Доказательство в эпоху генеративного искусственного интеллекта: проблемы достоверности и правового регулирования

Кривицкая Юлия Станиславовна
старший преподаватель кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет, Julia-424@yandex.ru

Распространение генеративных моделей искусственного интеллекта обнажило слабую точку классического процессуального учения о доказательствах: сама способность отличить порождённый машиной материал от следа реального события превращается в самостоятельную процессуальную задачу. Российское процессуальное законодательство по состоянию на 2026 г. удерживает технологическую нейтральность, что обеспечивает ему формальную работоспособность, однако оставляет правоприменителю слишком широкую дискрецию в условиях, когда содержание текста, изображения или аудиозаписи может оказаться синтетическим целиком. Цель работы – выявить пробелы действующего регулирования допустимости и достоверности применительно к ИИ-сгенерированным материалам и сформулировать процессуальный режим повышенной верификации. Использован формально-юридический и сравнительно-правовой анализ норм ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ в редакции от 22.07.2024 и Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024; параллельно разобраны материалы дела Mata v. Avianca, Inc. (S.D.N.Y., 2023) и проект Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США. Предложена трёхэлементная классификация цифровых материалов – нативные, ИИ-ассистированные и ИИ-синтетические – с дифференцированным стандартом верификации, обоснована целесообразность процессуальной обязанности по раскрытию факта применения генеративного ИИ и расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения. Полученные результаты применимы при уточнении норм гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ, а также при формировании рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, доказательство, достоверность доказательства, процессуальное право, дипфейк, аутентификация цифрового контента, судебная экспертиза, правовое регулирование, прозрачность алгоритма.

Введение

Эпоха генеративных моделей радикально изменила условия, в которых процессуальное право решает свою старейшую задачу – отделение факта от его имитации. Прежде граница между подлинной фотографией и её подделкой проходила примерно там же, где граница между профессиональным фотомонтажом и любительским коллажем; сегодня она смещается ежемесячно вместе с релизом новых моделей синтеза изображений, голоса и видео, а главное – становится незаметной для невооружённого взгляда. Суд лишился привычной опоры. Доверие к носителю информации, которое в гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ молчаливо предполагается, более не обеспечивается ни формой представления, ни органолептическими признаками материала. И это не локальная техническая трудность, а сдвиг базовой презумпции.

Сам собой возникает вопрос: достаточно ли классических критериев относимости, допустимости и достоверности для оценки материала, существование оригинала у которого в принципе невозможно установить эмпирически? В.А. Виноградов в работе 2025 г. показал [9], что российская доктрина ещё не выработала устойчивой реакции на ситуацию, когда подлежащий оценке объект существует только в синтетической форме, а его автором – в строгом юридическом смысле – выступает не лицо, а вероятностная модель. Между тем именно достоверность – наиболее уязвимый из трёх критериев. Относимость определяется содержанием, допустимость – формой и порядком получения; достоверность же требует соотнесения сведений с реальностью, и этот шаг становится крайне сложен, если сама реальность подменена правдоподобной симуляцией.

Сложность ситуации усугубляется тем, что доктрина ИИ-права в России развивается фрагментарно. И.Н. Тарасов [3] обращает внимание на то, что до сих пор не выработано даже общеправового определения искусственного интеллекта, которое имело бы инструментальное, а не описательное значение для процессуальных норм. Т.Я. Хабриева в обзоре 2024 г. [10] указывает на ещё более узкое место – отсутствие правовых средств идентификации систем ИИ, благодаря которым суд мог бы установить хотя бы факт причастности генеративной модели к появлению спорного материала. На фоне этих лакун Е.В. Зарубина с соавторами [7] фиксируют общее состояние регулирования как стадию накопления отраслевых решений без сквозной процессуальной рамки. Картина – мозаичная. Внутри неё каждое из ведомств выстраивает собственную траекторию: Минцифры – через инфраструктурные документы, Минюст – через ведомственные методики экспертизы, Верховный Суд РФ – через эпизодические разъяснения. Сходимости позиций пока не наблюдается.

Цель статьи – реконструировать процессуальные риски, порождённые генеративным ИИ, и предложить дифференцированный режим верификации цифровых доказательств, согласующийся с действующим российским процессуальным законодательством и опирающийся на доступные на 2026 г. инструменты судебной экспертизы. Изложение строится последовательно: сначала – анализ классических процессуальных критериев в их соотношении с природой синтетического контента, затем – текущее состояние нормативной базы и значимые правоприменительные эпизоды, в том числе зарубежные, и в заключительной части – предложения de lege ferenda. Внимание сфокусировано на гражданском и арбитражном процессе. Уголовно-процессуальные аспекты затрагиваются точечно – там, где они помогают увидеть направление общего решения.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в формально-юридическом и сравнительно-правовом ключе. Основной массив материала – действующие в 2026 г. редакции процессуальных кодексов: Гражданского процессуального кодекса РФ (Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ), Арбитражного процессуального кодекса РФ (Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ), Кодекса административного судопроизводства РФ (Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ). Сосредоточенность – на нормах об оценке доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ), о письменных доказательствах (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ) и о судебной экспертизе (гл. 7 ГПК РФ, гл. 7 АПК РФ). Сюда же добавлен Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в редакции от 22.07.2024.

Из стратегических документов разобран Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» в редакциях 2024–2025 гг. Сравнительная часть охватывает материалы дела Mata v. Avianca, Inc., № 22-cv-1461 (S.D.N.Y., решение от 22.06.2023, судья П.К. Кастел), а также проект Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США, обсуждавшийся Консультативным комитетом по правилам доказывания Судебной конференции США в 2024–2025 гг. Применены методы формально-юридического толкования, сравнительно-правового сопоставления, юридической квалификации и правового моделирования при формулировании предложений по корректировке процессуального режима. Эмпирическая база ограничивалась нормативными материалами и опубликованными правоприменительными актами; собственное взаимодействие с участниками процесса не осуществлялось.

Результаты и обсуждение

Российское процессуальное право в части доказательств сохраняет устойчивую внутреннюю логику с конца 1960-х гг.: статья 67 ГПК РФ и аналогичная ст. 71 АПК РФ предписывают суду оценивать доказательства «по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Доктринально эта норма опирается на триаду «относимость – допустимость – достоверность», и до недавнего времени её было достаточно. Генеративный ИИ обнаружил тонкое, но критичное несовпадение. Триада предполагает, что сведения, содержащиеся в доказательстве, либо отражают реальный факт, либо умышленно искажают его – и в обоих случаях у материала есть верифицируемое происхождение. Синтетический контент устроен иначе: за ним нет ни факта, ни сознательного искажения факта; за ним стоит вероятностная реконструкция того, что могло бы быть.

А.И. Медведев [4] точно сформулировал суть проблемы: машинная логика остаётся непрозрачной не потому, что её скрывают, а потому, что она не описывается в категориях, привычных праву. Связи между входом и выходом модели опосредованы миллионами весовых коэффициентов, и попытка извлечь из них юридически значимое объяснение – задача, эквивалентная переписыванию вероятностного распределения в нормативной форме. Э. Талапина [6] фиксирует ту же асимметрию на уровне принципа: алгоритмическая прозрачность остаётся декларацией, пока отсутствует процессуальная процедура её проверки. К.А. Караманов [12] идёт дальше и предлагает рассматривать алгоритмическую прозрачность как самостоятельный принцип регулирования ИИ, рядоположенный принципам законности и состязательности. Подход дискуссионный, но точно очерчивающий направление.

Проблема «черного ящика», подробно разобранная К.С. Головиным [8], имеет прямое процессуальное значение. Судья, оценивающий ИИ-сгенерированное доказательство, оказывается в положении, в котором традиционные приёмы – сличение копии с оригиналом, восстановление цепочки хранения, опрос автора – либо неприменимы, либо требуют принципиально иной экспертной поддержки. Ю.С. Харитонова [5] обращает внимание на то, что правовые средства обеспечения прозрачности уже отчасти кодифицированы – в положениях о маркировке контента, о раскрытии параметров обучения, о доступе к логированию инференса; однако в процессуальной плоскости эти средства пока не интегрированы в систему допустимости. Положение, при котором содержательный регулятор существует, а процессуальный инструмент его применения – нет, типично для переходных этапов.

Принцип достоверности ИИ, артикулированный В.В. Бакшеевым [1] в работе 2025 г., представляется удачной точкой опоры для процессуальной реконструкции. Достоверность здесь понимается не как соответствие выхода модели некоторому объективному факту – такого соответствия в случае генеративного синтеза не существует, – а как воспроизводимость, отслеживаемость и проверяемость технического пути от вводных данных к результату. В этой логике достоверность ИИ-материала есть техническое свойство производственной цепочки, а не семантическое свойство содержания. Сдвиг тонкий, но он переводит задачу суда из плоскости «верить или не верить тому, что показано» в плоскость «можно ли восстановить, как это было получено». Применительно к ст. 67 ГПК РФ это означает: внутреннее убеждение суда формируется относительно процесса генерации, а не относительно конечного образа.

Параллельная конструкция – принцип прозрачности – рассмотрена В.В. Бакшеевым [2] в более ранней работе 2024 г. и относится к раскрытию ключевых параметров системы: данных обучения, архитектуры, версии модели на момент генерации. Для процессуального права полезным следствием становится требование к стороне, представляющей ИИ-сгенерированный или ИИ-модифицированный материал, раскрыть эти параметры либо признать невозможность раскрытия и принять связанные с этим процессуальные риски. Похожая логика проступает в зарубежных проектах. Различие в том, что российская традиция склонна оформлять подобные требования через судебное усмотрение, а не через жёсткие правила доказывания.

На прикладном уровне дефицит понятийной базы оборачивается тем, что суды и стороны вынуждены работать с категориями, выработанными за пределами процессуального права. М.А. Михайлов и А.Г. Михайлова [11] показывают, как это проявляется в правоприменительной практике: следственные органы и адвокатура всё чаще оперируют разнородными определениями ИИ – техническими, доктринальными, ведомственными, – и согласовать их между собой удаётся не всегда. А.О. Чернышова, Е.А. Мамышева, В.А. Урзов [15] добавляют сюда обязательственный срез: договоры на использование генеративных систем фиксируют параметры взаимодействия сторон, но не статус выхода модели как потенциального доказательства. Иначе говоря, доказательство «не попадает» в типовую гражданско-правовую квалификацию по умолчанию – его статус приходится выводить процессуально, ad hoc.

Иллюстрацией того, насколько процессуально опасной может быть недооценка генеративного ИИ, остаётся дело Mata v. Avianca, Inc. (№ 22-cv-1461, S.D.N.Y., 2023). Адвокаты С. Шварц и П. ЛоДука представили в суд правовую позицию, в которой содержались ссылки на шесть несуществующих прецедентов, сгенерированных ChatGPT. Поддельные ссылки прошли формальную процессуальную проверку. Только повторное обращение к источникам выявило отсутствие соответствующих дел в базах данных. Решением от 22.06.2023 судья П.К. Кастел наложил санкции в размере 5 000 долл. на каждого из адвокатов и обязал их уведомить судей реальных дел, фигурирующих в фальсифицированных цитатах. Суд, тем не менее, специально подчеркнул, что само по себе использование генеративных систем не запрещено; ответственность возникает за то, что не было проведено независимой проверки результата.

Дело важно по двум причинам, выходящим за пределы американской юрисдикции. Во-первых, оно демонстрирует, что

профессиональный участник процесса способен принять сгенерированный фрагмент за достоверный источник права – следовательно, рассчитывать на то, что недостоверный ИИ-материал будет автоматически распознан квалифицированным юристом, не приходится. Во-вторых, оно очерчивает направление зарубежного процессуального ответа: усиление личной ответственности за верификацию, а не запрет инструмента. Российская практика пока не предлагает аналогичных по проработке прецедентов, но логика отечественной процессуальной доктрины – с её акцентом на добросовестное процессуальное поведение (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ) – допускает встраивание аналогичного механизма без принципиальной ломки системы.

Параллельно в США в 2024–2025 гг. на площадке Консультативного комитета по правилам доказывания Судебной конференции рассматривался проект новой нормы – Rule 707 Federal Rules of Evidence, специально посвящённой допустимости доказательств, сгенерированных ИИ или построенных с применением машинного обучения. Логика проекта: к таким материалам предъявляется тот же уровень требований к научной обоснованности, что и к экспертным заключениям по Rule 702, но дополненный обязательством раскрыть параметры модели и условия её применения. Идея переносима. Российский законодатель, опираясь на ст. 79–87 ГПК РФ и положения Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, мог бы дополнить требования к содержанию экспертного заключения именно теми элементами, которые делают возможной оценку ИИ-сгенерированного материала: версией модели, журналом инференса, сведениями о наборе данных, при необходимости – описанием постобработки.

Российская модель регулирования ИИ выстраивается преимущественно через стратегические, отраслевые и экспериментальные акты. Базовым документом остаётся Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 в редакции от 15.02.2024, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; обновление 2024 г. сместило акценты к практическому внедрению в государственном управлении, здравоохранении и финансовом секторе. Параллельно действует Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: он создаёт правовые песочницы, в которых отдельные положения, в том числе процессуального толка, могут временно отступать от общих правил. К процессуальному регулированию доказывания ни один из этих актов прямо не обращён. Получается зазор: стратегия очерчивает направление, но не задаёт инструменты, а процессуальный закон молчит.

В работе 2023 г. С.В. Никитенко [14] провёл системный разбор концепций деликтной ответственности за вред, причинённый системами ИИ, и обнаружил, что отечественная доктрина склоняется к модели расширенной ответственности владельца либо оператора системы, а не к фигуре «электронного лица». Этот вывод имеет процессуальное продолжение: если за вред отвечает владелец системы, то именно он несёт бремя процессуального раскрытия информации о её работе. С точки зрения распределения доказательственных обязанностей это естественная конструкция. Сторона, которая поставила в основание иска или возражения ИИ-сгенерированный материал, должна быть готова к процессуальной нагрузке по подтверждению технической цепочки; ссылка на коммерческую тайну в этой части ослабляет, но не снимает обязанность раскрытия в том объёме, который необходим суду для оценки достоверности.

В уголовно-процессуальной плоскости И.П. Чекотов [13] показал, что регулирование ИИ в борьбе с преступностью пока разделено между ведомственными актами МВД, СК и Генпрокуратуры, а единого процессуального стандарта для следственных действий, опирающихся на ИИ-аналитику, не существует. Для гражданского и арбитражного процесса этот опыт ценен от противного: он демонстрирует, что в отсутствие сквозной нормы каждое ведомство выстраивает собственную процедуру верификации, и в результате одно и то же ИИ-сгенерированное доказательство в разных производствах оценивается по-разному. Унификация стандарта – задача, относящаяся скорее к компетенции Пленума Верховного Суда РФ. В этом смысле прецедентным могло бы стать обновление постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» с включением раздела о цифровом происхождении доказательств.

Содержательное предложение, формируемое в настоящей статье, опирается на четыре связанных шага. Первый – введение процессуальной обязанности раскрытия использования генеративного ИИ при подготовке материала, представляемого в суд, в тех случаях, когда ИИ повлиял на содержание или форму доказательства настолько, что это способно повлиять на оценку достоверности. К таким случаям относятся синтез голоса, изображения или видео; перевод с потерей оригинального следа; реструктуризация текста, заметно изменяющая его смысловую плотность. Раскрытие должно охватывать как минимум: тип системы, версию модели, факт постобработки, наличие исходных файлов и метаданных. Подобная норма уместна в качестве дополнения к ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ – раздел о бремени доказывания.

Второй шаг – отказ от презумпции недопустимости ИИ-сгенерированных материалов в пользу презумпции повышенного риска недостоверности. Материал не отклоняется только потому, что в его создании участвовала генеративная модель; его доказательственная сила определяется глубиной подтверждения происхождения: наличием исходного файла, метаданных, журнала операций, сведений о программной среде, цепочки хранения. Третий шаг – нормативная классификация цифровых материалов на три категории: нативные цифровые доказательства, возникшие без участия генеративных систем; ИИ-ассистированные материалы, где ИИ выполнил вспомогательную функцию – улучшил качество, реконструировал утраченный фрагмент, перевёл текст; и ИИ-синтетические материалы, созданные генеративной моделью полностью. Для каждой категории – собственный стандарт верификации, от минимального для первой до максимального для третьей.

Четвёртый шаг – расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения доказательств. Действующая ст. 79 ГПК РФ и ст. 82 АПК РФ позволяют суду назначить экспертизу по любому вопросу, требующему специальных знаний, однако существующие методики, утверждённые Минюстом РФ и РФЦСЭ, в редакциях 2022–2024 гг. ориентированы преимущественно на установление факта монтажа, а не на распознавание следов генеративной обработки. Соответствующее обновление методических рекомендаций – задача обозримого горизонта; технические инструменты для обнаружения статистических сигнатур моделей уже существуют, хотя их точность снижается каждое следующее поколение моделей. На 2026 г. наиболее перспективными остаются гибридные подходы, сочетающие технический анализ с проверкой контекстуальных признаков.

Сводное наблюдение, объединяющее перечисленные пункты, состоит в том, что российскому процессуальному праву не требуется новая теория доказательств. Требуется тонкая настройка действующих институтов: бремени доказывания, стандарта раскрытия информации, оснований назначения экспертизы и содержания экспертного заключения. Каждое из четырёх предложений укладывается в существующую структуру ГПК РФ и АПК РФ и может быть реализовано через точечные поправки, либо через разъяснения Пленума ВС РФ. Зарубежный опыт – особенно американский, отчётливо обозначившийся после дела Mata v. Avianca, – даёт ориентир, но не образец; российская правовая система обладает достаточным внутренним ресурсом для выработки собственного решения. Главное условие – сделать это до того, как генеративный синтез распространится на массовый процессуальный материал.

Прикладной слой предлагаемого режима опирается на инфраструктуру цифровой провенансности, которая в 2024–2025

гг. начала складываться вокруг стандартов C2PA (Coalition for Content Provenance and Authenticity) и встроенных в популярные генеративные системы механизмов маркировки. Юридического статуса в РФ эти стандарты пока не имеют, однако фактически уже применяются крупнейшими поставщиками генеративных моделей. Процессуальный закон может опираться на них не как на формально обязательный реквизит, а как на одно из доказательств цепочки происхождения – наравне с журналом инференса и хэш-суммами исходных файлов. Аналогия – с теми же ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ, регулирующими письменные доказательства: суд оценивает соблюдение требований к форме, но не превращает форму в самоцель. Маркировка контента в этой логике – техническое подтверждение, а не нормативный фетиш.

Особого внимания заслуживает механика процессуального раскрытия факта применения генеративного ИИ. Очевидное возражение – нагрузка на сторону, которая может не располагать сведениями о том, что использованный исполнителем подрядчик внутренне применял ИИ-инструменты. Возражение учитывается через двухуровневую конструкцию: на первом уровне – добросовестная осведомлённость стороны, на втором – обязанность встречного раскрытия по запросу суда или другой стороны при наличии разумных оснований полагать, что материал имеет генеративную природу. Подобная двухуровневая модель уже знакома российскому процессу – например, по правилам раскрытия доказательств в арбитражном процессе (ст. 65 АПК РФ) и по практике применения постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25. Расширение её на цифровую провенансность – задача нормотворческого порядка, не требующая радикальной переработки норм.

Наконец, отдельного упоминания заслуживает временной горизонт инструментальной части. Технические методики обнаружения следов генеративной обработки – статистические анализаторы, детекторы артефактов сжатия, методы реконструкции цепочки преобразований – развиваются с заметным отставанием от самих моделей. Точность детектирования AI-сгенерированных изображений, по оценкам публикуемых отраслевых испытаний 2024–2025 гг., снижается каждое следующее поколение моделей и в среднем уже не превышает 70–80 % для текущих архитектур. Это значит, что процессуальный режим должен быть устроен с учётом неизбежной погрешности технической экспертизы; иначе суд окажется в положении, при котором экспертное заключение становится единственным основанием решения, а его надёжность – заметно ниже общепринятого для уголовно-процессуальных экспертиз стандарта. Решение – комбинированный подход: техническая экспертиза дополняется анализом контекстуальных признаков, цепочкой хранения и поведенческой логикой стороны.

Гражданско-правовой срез проблемы оборачивается тем, что один и тот же синтетический материал способен последовательно сменить процессуальный статус: сначала – объект договорного обязательства между заказчиком и оператором генеративной системы; затем – предмет авторско-правового спора в части прав на сгенерированный контент; и наконец – доказательство в третьем, не связанном с первыми двумя процессе. Каждый из переходов меняет требования к раскрытию информации о происхождении материала. В договорной плоскости обязанность раскрытия выводится из принципа добросовестности и норм о качестве (ст. 469, 720 ГК РФ); в спорах об интеллектуальных правах – из ст. 1257 ГК РФ и сложившейся к 2024–2025 гг. позиции о критериях творческого вклада человека; в процессуальной плоскости – из правил гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ. Согласованности между этими тремя слоями пока нет. В результате одна и та же информация о генеративном происхождении может быть раскрыта на одном этапе и затем формально утрачена на следующем.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект меняет не формальное определение доказательства, а практические условия его достоверности. Российское процессуальное право пока сохраняет работоспособность благодаря технологической нейтральности классических норм, однако этой нейтральности уже недостаточно для устойчивого правоприменения в условиях, когда доля синтетических материалов в гражданских и арбитражных делах будет расти. Основная нагрузка приходится на достоверность.

Выполненная процессуальная реконструкция показала, что центральная проблема – не отсутствие нормы о ИИ как таковой, а отсутствие связки между стратегическим регулированием, которое уже зафиксировано в Указе Президента РФ № 490 в редакции от 15.02.2024, и процессуальным инструментарием, остающимся в редакции, пригодной для аналогового мира. Предложенный режим повышенной верификации опирается на четыре элемента: процессуальное раскрытие факта применения генеративного ИИ, презумпция повышенного риска недостоверности вместо презумпции недопустимости, трёхэлементная классификация цифровых материалов с дифференцированным стандартом доказательственной силы и расширение методической базы судебной экспертизы цифрового происхождения. Каждый элемент укладывается в существующую структуру гл. 6 ГПК РФ и гл. 7 АПК РФ. Реализация возможна точечной поправкой либо разъяснением Пленума ВС РФ. Естественной точкой опоры для нормативной фиксации видится корректировка ст. 56 и ст. 67 ГПК РФ, а на уровне разъяснений – обновление постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13.

Зарубежный процессуальный опыт – прежде всего обозначенный делом Mata v. Avianca, Inc. (S.D.N.Y., 22.06.2023) и проектом Rule 707 Федеральных правил о доказательствах США 2024–2025 гг. – подтверждает выбранное направление: усиление личной ответственности участника процесса за верификацию ИИ-материала и одновременное расширение содержания экспертного заключения. Российский законодатель располагает достаточным временем для выработки собственного решения. Окно, однако, не бесконечно. Стандарты цифровой провенансности – в том числе спецификация C2PA – складываются на технологической стороне уже сегодня; через несколько лет правоприменителю придётся опираться на них фактически, и тогда отсутствие нормативного признания превратится в источник правовой неопределённости. Действующая редакция гл. 6 ГПК РФ не содержит ни одной нормы, прямо обращённой к цифровому происхождению доказательств. По состоянию на конец 2025 г. поправки, относящиеся к процессуальному режиму генеративного ИИ, ни в Государственную Думу, ни на площадку Пленума ВС РФ внесены не были.

Литература

1. Бакшеев В. В. Принцип достоверности искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 184–185.

2. Бакшеев В. В. Принцип прозрачности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 154–156.

3. Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 122–130.

4. Медведев А. И. Когда машинная логика неочевидна: проблема прозрачности искусственного интеллекта с точки зрения права // Информационное право. 2023. № 1 (75). С. 9–13.

5. Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 337–358.

6. Талапина Э. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 4–27.

7. Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Симачкова Н. Н., Фатеева Н. Б., Чупина И. П. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Право и управление. 2025. № 3. С. 337–342.

8. Головин К. С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 290–297.

9. Виноградов В. А. Intellectus ex machina: видимость, потенциальная правосубъектность, ответственность за действия и решения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 3. С. 588–607.

10. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 7. С. 609–622.

11. Михайлов М. А., Михайлова А. G. Правовая регламентация использования систем искусственного интеллекта в юриспруденции и иных сферах человеческой деятельности // Российский следователь. 2025. № 7. С. 58–63.

12. Караманов К. А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Legal Bulletin. 2025. Т. 10, № 2. С. 43–54.

13. Чекотов И. П. Правовое регулирование искусственного интеллекта в борьбе с преступностью // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 3 (101). С. 548–559.

14. Козлов И. Н. Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта как фактор устойчивого развития общества и технологического прогресса // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 209–222.

15. Чернышова А. О., Мамышева Е. А., Урзов В. А. Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в обязательственных отношениях // Юридическая наука. 2025. № 10. С. 162–166.

Evidence in the era of generative artificial intelligence: problems of reliability and legal regulation

Krivitskaya Ju.S.
Don State Technical University

The spread of generative artificial intelligence models has exposed a weak point in the classical procedural doctrine of evidence: the very ability to distinguish machine-generated material from a trace of a real event becomes an independent procedural task. As of 2026, Russian procedural legislation preserves technological neutrality, which secures its formal functionality but leaves the law-applier with excessive discretion in conditions where the content of a text, image or audio recording may turn out to be entirely synthetic. The aim of the work is to identify gaps in the current regulation of admissibility and reliability with respect to AI-generated materials and to formulate a procedural regime of heightened verification. The formal-legal and comparative-legal analysis is applied to the norms of the Code of Civil Procedure, the Arbitration Procedure Code, the Code of Administrative Procedure, Federal Law No. 73-FZ of 31.05.2001 as amended on 22.07.2024 and Presidential Decree No. 490 of 10.10.2019 as amended on 15.02.2024; in parallel, the Mata v. Avianca, Inc. case (S.D.N.Y., 2023) and the draft Rule 707 of the U.S. Federal Rules of Evidence are examined. A three-element classification of digital materials is proposed – native, AI-assisted and AI-synthetic – with differentiated verification standards; the expediency of a procedural duty to disclose the use of generative AI is substantiated, along with an expansion of the methodological base of forensic examination of digital origin. The results are applicable to refining the norms of Chapter 6 of the Code of Civil Procedure and Chapter 7 of the Arbitration Procedure Code, and to shaping recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: generative artificial intelligence, evidence, reliability of evidence, procedural law, deepfake, authentication of digital content, forensic examination, legal regulation, algorithmic transparency.

References

1. Baksheev V. V. The Principle of Artificial Intelligence Reliability // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. Pp. 184–185.
2. Baksheev V. V. The Principle of Artificial Intelligence Transparency // Agrarian and Land Law. 2024. No. 12 (240). Pp. 154–156.
3. Tarasov I. N. Problems of Legal Regulation on the Example of the Concept of Artificial Intelligence // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75, No. 1 (182). Pp. 122–130.
4. Medvedev A. I. When Machine Logic is Not Obvious: The Problem of Artificial Intelligence Transparency from the Perspective of Law // Information Law. 2023. No. 1 (75). Pp. 9–13.
5. Kharitonova Yu. S. Legal Means of Ensuring the Principle of Transparency of Artificial Intelligence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, No. 2. Pp. 337–358.
6. Talapina E. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. Pp. 4–27.
7. Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Simachkova N. N., Fateeva N. B., Chupina I. P. Problems of Legal Regulation of Artificial Intelligence // Law and Management. 2025. No. 3. Pp. 337–342.
8. Golovin K. S. The Need for Legal Regulation of the "Black Box" of Artificial Intelligence // Bulletin of the Kostroma State University. 2024. Vol. 30, No. 3. Pp. 290–297.
9. Vinogradov V. A. Intellectus ex machina: visibility, potential legal personality, responsibility for the actions and decisions of artificial intelligence // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, No. 3. Pp. 588–607.
10. Khabrieva T. Ya. Legal Problems of Artificial Intelligence Identification // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 94, No. 7. Pp. 609–622.
11. Mikhailov M. A., Mikhailova A. G. Legal regulation of the use of artificial intelligence systems in law and other areas of human activity // Russian Investigator. 2025. No. 7. Pp. 58–63.
12. Karamanov K. A. Algorithmic transparency as a principle of legal regulation of artificial intelligence // Legal Bulletin. 2025. Vol. 10, No. 2. pp. 43-54.
13. Chekotov I. P. Legal regulation of artificial intelligence in the fight against crime // Academic Law Journal. 2025. Vol. 26, No. 3 (101). pp. 548-559.
14. Kozlov I. N. Legal aspects of regulation of artificial intelligence as a factor of sustainable development of society and technological progress // Academic Research Journal. 2025. Vol. 3, No. 1. pp. 209-222.
15. Chernyshova A. O., Mamysheva E. A., Urzov V. A. Legal support for the use of artificial intelligence in contractual relations // Legal Science. 2025. No. 10. Pp. 162–166.